

УДК 316.1/2

*Н.М. Богданова**

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ
ИССЛЕДОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ**

Статья посвящена анализу социально-философских оснований визуального подхода в истории социологии. Рассмотрены ключевые принципы антипозитивизма в соответствии задачами анализа визуального. Отмечены преимущества феноменологической социологии и «драматургической социологии» И. Гофмана как возможных теоретических оснований социологического анализа фотографии.

Ключевые слова: визуальный подход в социологии, фотография, антипозитивизм, феноменологическая социология, «драматургическая социология».

Любой, сколько бы то ни было знаменательный поворот и в повседневной жизни, и в науке вызывает вопрошание о его истоках. Это касается и возникшего сегодня в ряде обществоведческих дисциплин, в частности в социологии, интереса к изучению визуальных составляющих повседневности — так называемого «визуального поворота».

На наш взгляд, наиболее твердые теоретические основания исследования визуальных аспектов реальности прослеживаются в русле антипозитивистских социально-философских концепций: прежде всего, феноменологической социологии А. Шютца и «драматургической социологии» И. Гофмана. Именно здесь были заложены предпосылки для нынешнего социологического анализа визуального.

В целом вопрос о теории, оправдывающей применение анализа визуальных сторон жизни в изучении общества, получает актуальность лишь тогда, когда окружающий мир становится в достаточной мере насыщенным визуальными формами репрезентации, а развитие специальной техники позволяет сделать визуальные изображения неотъемлемой частью повседневности. Так, становление «эпохи визуальных образов» и, соответственно, того явления в науке и практике, которое сегодня в след за Дж. Т. Митчелл называют «визуальным поворотом» [1], мы связываем, в первую очередь, с развитием фототехники. Можно сказать, что последнее тут предопределило первое. Фотография, существенно облегчив фиксацию изображения

* © Богданова Н.М., 2011

Богданова Наталья Михайловна (bo-na-mi@yandex.ru), кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

и работу с ним, быстро стала главным способом запечатления самых разных явлений жизни и скоро привела к почти всесторонне визуализированной окружающей действительности. Следовательно, рассуждения об истоках «визуального поворота» в социологии наводят нас, в первую очередь, именно на распространение фотографии как способа фиксации визуального и на практики интеграции анализа фотографий в арсенал традиционных социологических методик.

Некоторые ученые, например Деррал Четвуд (Derral Cheatwood) и Кларис Стаз (Clarice Stasz), рассматривают фотографию как отдельную самостоятельную дисциплину, зародившуюся, как и социология, где-то между 1835-м и 1850-м годами [2]. Четвуд и Стаз отмечают, что фотография и социальные науки периодически совершали попытки интеграции и с различной степенью успешности использовали техники друг друга. Так, с самого начала фотография рассматривалась как инструмент в антропологии и археологии, а ее практическое применение тем больше возрастало, чем полнее развивались эти отрасли. Известно, что всего с 1896-го по 1916-й годы «Американский журнал социологии» (*American Journal of Sociology*), активно публикуя серии статей с сопутствующими им фотографиями, представил работу 25 социологов, занятых изучением визуального [2].

Однако в период процветающего на научной арене позитивизма фотографию стали активно обвинять в необъективности, случайности, невозможности стандартизации снимков.

Дело в том, что социологию, рожденную в «колыбели позитивизма» Огюста Конта, с самого начала ориентировали на выявление свойств и закономерностей жизни общества как объективной истины, стараясь максимально удалиться от любых спекулятивных, умозрительных рассуждений. Эта ранняя социология была нацелена, прежде всего, на изучение больших надындивидуальных общественных систем, словно оторванных от мира повседневности, находящихся *над* ним [3].

Визуальная составляющая жизни в данном случае, конечно, попадала в фокус наблюдения как одного из ключевых «позитивных» исследовательских методов наравне с экспериментом, сравнительным и историческим методами. Но при этом воспринималась она качественно иным образом, отличным от того, как это происходит в современной социологии в рамках так называемого визуального подхода или «визуальной социологии» [2; 4]. Визуальные явления мира социального оценивались и изучались абсолютно по тем же принципам, что и визуальные явления мира природного, в соответствии с принятыми критериями истинно научного знания: объективностью, достоверностью и полезностью.

Естественно, все, что является предметом метода наблюдения, так или иначе, видимо, зримо и наблюдаемо, поэтому современные методы исследования визуального тоже основываются, прежде всего, именно на наблюдении. Другое дело, какое оно, это наблюдение, какие цели перед собой оно ставит. Определяя методы позитивных наук, О. Конт, а вслед за ним и Дж. С. Милль выдвигают принцип постоянного подчинения воображения наблюдению. Согласно О. Конту, во-первых, наблюдение социальных фактов должно опираться на законченную теорию (позитивную философию). Во-вторых, социальное наблюдение должно четко отделять его субъекта от объекта, то есть единственно возможным является наблюдение «со стороны», подобно тому как это происходит в естественных науках [5]. В-третьих, наблюдение должно происходить только при условиях обязательного отвлечения самого исследователя от личных убеждений, опытов, интересов и предубеждений.

Что же касается наблюдения в рамках нынешнего визуального подхода в социологии, то тут визуальность мира и способность всесторонне ее изучить, напротив, тесно увязывается с визуальным воображением (*visual imagination*) самого исследователя.

Наблюдение ставит перед собой задачу выявить глубинные скрытые сущности под наблюдаемой поверхностью явлений, раскрыть значимые особенности и закономерности общества, его культуры и структуры, деятельности социальных институтов и групп. При этом оно не ограничивается лишь поверхностным, оценочным описанием. Акцент здесь делается не на дескриптивном изучении отдельных визуальных артефактов, а на анализе взаимосвязей между социальными и символическими компонентами (структурами, статусами, нормами, образцами) [6, р. 1–10].

Наконец, сегодня осмысливается ценность визуального как такового, самого по себе, при необходимости абсолютно самодостаточного средства получения информации, не требующего дополнительных вербальных подкреплений. При этом исследователю приходится учитывать не только внутреннее «значение» образа, но также и то, как и кем этот образ был сделан, и какие значения накладывают на него те, кто его наблюдает [7].

Необходимо отметить то, что разница между визуальным подходом в социологии и ключевыми принципами позитивизма состоит в том, что, согласно последним, истинная наука должна быть максимально независима, автономна от влияния остальных областей культуры. Напротив, в современной социологии визуальный подход развивается именно на стыке разных областей знания и сфер культуры: этнографии (и антропологии в более широком философском и культурологическом смысле), других исторических и филологических наук (источниковедении, фотодокументалистике, фотожурналистике, музееведении, искусствоведении, фольклористике), а также киноведения, семиотики, психологии — практически всех наук, изучающих человека. Более того, для полноценного визуального анализа часто бывает крайне необходимо оценивать влияние смежных областей повседневной жизни на изучаемый визуально представленный объект.

Таким образом, очевидно, что для визуального подхода в социологии единственно возможным стало обрести свою легитимность лишь на волне *антипозитивизма*. Первые такие идеи появляются в работах В. Дильтея, М. Вебера, Г. Зиммеля, А. Шютца, У. Джеймса, а позже подхватываются Г. Мидом, Г. Гарфинкелем, И. Гофманом.

Одним из первых среди социальных ученых на вездесущность (*omnipresence*) и значимость визуальных образов, а также на повседневную визуальную компетентность людей указал Георг Зиммель. В своей знаменитой работе «Социология» он пишет, что «глаза обладают уникальной социологической функцией» [8, р. 2]. Предвосхищая то, на чем впоследствии будет выстраиваться социологический анализ визуального, Зиммель отмечает, как намерения и настроение других могут визуально считываться по выражению лица и позе и как возрастает роль «простого зрительного образа» в пространстве городского общества [8, р. 2].

Рассматривая анализ визуального, в частности фотографии, как один из способов интерпретации данных в русле качественной методологии, ключевым механизмом исследовательской рефлексии, несомненно, можно признать принцип *понимания*. Именно на этом принципе основана и «понимающая социология» М. Вебера, и «принцип понимающего переживания, сочувствия» В. Дильтея, и «понимание мотивов и чувств действующего индивида» Г. Зиммеля. Так, основной задачей своей социологии ученые-антипозитивисты ставят не попытку объяснить общество с точки зрения всеобщих универсальных законов природного мира, а стремление понять смысл социального. А понимать — значит находиться непременно *внутри* общества, руководствоваться внутренним опытом, наблюдая за собой, за другими людьми и истолковывая, интерпретируя результаты этого наблюдения. Большое значение здесь придается изучению *индивидуального*.

Провозгласив специфическим предметом своей «понимающей социологии» социальное действие (или социальное поведение), М. Вебер относит его не ко всей совокупности людей как к некой абстрактной системе, а к отдельным людям, ее составляющим. Под социальным действием отдельного индивида Вебер подразумевает такое действие, которое в определенном смысле отнесено к поведению других людей и ориентировано на них [9]. Следовательно, это непременно требует пребывания исследователя «внутри», а не «вне»/«над» обществом, как того предполагала контовская позитивная наука.

Так и визуальному анализу, в частности фотографическому, напрямую подвластно лишь то, что возможно охватить взглядом или объективом. И только позже в этом единичном образе прослеживается отражение изучаемого явления в масштабе всего общества.

Своего рода продолжением понимающей социологии М. Вебера являются идеи **феноменологического подхода в социологии**. Его ключевое понятие – «мир повседневной жизни» – австрийский ученый Альфред Шютц, один из самых ярких представителей феноменологии, определяет как одновременно сцену и предмет наших действий, «мы работаем и функционируем не только в пределах, но и в отношении этого мира». «Это мир культуры, поскольку изначально мир повседневной жизни является для нас универсумом значений, текстурой смыслов, которые мы должны интерпретировать, чтобы найти в нем свое место и поладить с ним» [10, с. 13]. Это, подчеркивает социолог, и отличает «царство культуры от царства природы».

В своих работах А. Шютц еще не использует понятия визуального и тем более не говорит о фотографиях, а говорит об инструментах, символах, языковых системах, мире искусства, социальных институтах, которые своим происхождением указывают на деятельность человека. Тем не менее именно они и лежат в основе современного визуального подхода в социологии: с помощью визуальных артефактов различного рода и происхождения прослеживать особенности жизни и деятельности людей в различных областях повседневного мира.

Следуя за Э. Гуссерлем, А. Шютц рассуждает об особенностях изображения, по сравнению со всеми другими знаками. Гуссерль отмечает, что изображение связано с изображаемой вещью подобием, тогда как большинство других знаков не имеют общего содержания с тем, что обозначается. А. Шютц идет дальше и доказывает существование *символической аппрезентативной связи* в изобразительных презентациях [10, с. 494–495], которая, как мы сегодня можем признать, и ложится в основание анализа визуальных составляющих социальной жизни.

В духе феноменологических воззрений А. Шютца социологический анализ визуального признает множественность возможных прочтений и интерпретаций визуального материала: «Я... считаю само собой разумеющимся, что, строго говоря, “тот же самый” объект имеет несколько разные значения для меня и для кого бы то ни было еще» [10, с. 14]. Вопрос различия значений, в свою очередь, связан с традиционной для любой науки проблемой объективного/субъективного знания. Данный вопрос особо остро встает, когда дело касается визуальной стороны повседневной жизни. Это объясняется особенностями самой визуальной среды с ее множеством форм и альтернатив, а также спецификой визуального воздействия на сознание человека. Кроме того, насколько объективно можно изучить то, что в основании своем зачастую несет отпечаток своего создателя, творящего в определенный социально-исторический период и по-своему привносящего особенности индивидуального мировоззрения в объект своего творчества? Очевидно, ответ на этот вопрос в принципе ставит современные визуальные исследования вне законов контовской позитивной науки.

В ответ на позитивистское требование выявлять абсолютно объективную истину, А. Шютц утверждает, что любое знание в большей или меньшей степени субъективно уже потому, что тесно связано с конкретной ситуацией познания и неотделимо от познающего субъекта: «строго говоря, не существует чистых и простых фактов. Все факты изначально отобраны из всеобщего контекста деятельностью нашего разума» [10, с. 8]. Однако социология ни в коем случае не сводится лишь к набору исследовательских мыслей и догадок. Как продолжает А. Шютц, эти субъективные интерпретации вовсе не означают, что в повседневной жизни или в науке мы не в состоянии схватить реальность мира. «Это означает, что мы воспринимаем лишь определенные его аспекты, а именно те, которые релевантны нам как для осуществления наших дел в жизни, так и с точки зрения признанных процедурных правил мышления, называемых научным методом» [10, с. 8].

В своих работах сторонники феноменологического направления также придают большое значение методу наблюдения. Возможно, это объясняется тем, что огромная часть происходящего в мире повседневной жизни так или иначе воспринимается зрительно. А. Шютц отмечает, что социальному ученому как научному наблюдателю образцов человеческих взаимодействий следует разработать «специальные методы построения своих конструктов, чтобы быть уверенным в их способности интерпретировать субъективные значения действий так, как их видят сами действующие лица» [10, с. 28].

Многие из категорий, выведенных феноменологической социологией, используются сегодня исследователями визуального. Среди них само понятие повседневного, а также разнообразные элементы мира жизни: субъективные и интерсубъективные действия и интерпретации; акты межличностной коммуникации в виде телесной активности, жестов, мимики; ситуационные обстоятельства действий; символы и их значения.

Большую популярность среди социологов, изучающих визуальные репрезентации жизни общества, имеют также понятия, введенные Ирвингом Гофманом в его «**драматургической социологии**». Известные «театральные метафоры» ученого: «декорация», «публика», «роли», «сцена», «кулисы», «команда исполнителей» (своего рода аналог театральной труппы) [11] — часто оказываются как нельзя более подходящими к описанию реально существующих визуально представленных особенностей взаимодействия между членами общества.

И. Гофман рассматривает партнеров социального взаимодействия с точки зрения того, как они определяют друг перед другом и друг для друга рамки взаимодействия и как в соответствии с этим они выстраивают свое поведение. Эти стратегии, в первую очередь, служат для того, чтобы каждый мог реализовать свою идентичность и предотвратить ее неправильное понимание [12]. При этом участники ситуации, отмечает Гофман, «совместно формируют единственное общее определение ситуации, которое подразумевает не столько реальное согласие относительно существующего положения дел, сколько реальное согласие относительно того, чьи притязания и по каким вопросам временно будут признаваться всеми» [11, с. 41]. Такую условную согласованность ученый предлагает называть «*рабочим консенсусом*».

Определенным образом акторы разных общественных ситуаций пользуются сложным «театральным реквизитом» («*передний план*» в терминологии Гофмана [11, с. 54]). Это различные предметы окружающей обстановки: интерьер, мебель, разнообразные устройства, декорации, расположение в пространстве «и другие элементы фона, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия» [11, с. 54].

И. Гофман использует также термин «личный передний план». Это те составляющие, которые наиболее тесно связаны с самим исполнителем и которые повсюду его сопровождают («отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, габариты и внешность, осанка, характерные речевые обороты; выражения лица; жесты и т. п.» [11, с. 56]) За «передним планом» или «фасадом» у Гофмана, как это и положено театру, располагаются «кулисы». Там человек становится самим собой, снимает маски и готовится к новому выходу на сцену общественных отношений.

Предложенные И. Гофманом знаковые системы, «декорации», «личный» и «передний» план сегодня активно используются при визуальном анализе так называемых «портретов с окружением» (*environmental portraiture*). «Это портреты, которые <...> включают объект целиком в какой-то обстановке или объект частично, занимающимся каким-то любимым делом. Они лучше всего подходят для рассказа зрителю о человеке на картинках» [13]. Профессиональные фотографы и фотожурналисты признают, что, добавляя в кадр окружение, можно многое рассказать о человеке, особенно если он сам выбирал место съемки: окружающая обстановка будет ключом к пониманию его характера, личности и образа жизни.

При рассмотрении фотографии в качестве средства и инструмента социологического познания, осведомленность о ключевых принципах, описанных в «драматургической социологии» Гофмана, позволяет иначе взглянуть на героев снимка. Многие фотографии, особенно постановочные, являются обличителем искусственно создаваемых индивидами ролей в спектакле повседневных интеракций. А в сценарии этих «спектаклей» социальному ученому и предстоит обнаружить воспроизводимые и транслируемые в обществе идеалы, нормы, стереотипы и поощряемые образцы поведения.

Для исследователей визуального особая ценность теории Ирвинга Гофмана состоит в том, что она практически в каждом своем положении предлагает готовый путеводитель для визуального анализа, в частности, является очень удобной для интерпретации фотографий. В свою очередь, сами фотографии являются наглядным подтверждением выявленных Гофманом закономерностей социального поведения и негласных правил, организующих мир повседневности индивидов в целом.

В целом указанные ключевые черты антипозитивистских концепций стали социально-философской предпосылкой не только современных визуальных исследований, но и всего «качественного подхода» в социологическом исследовании.

Библиографический список

1. Брекнер Р. Изображенное тело. Методика анализа фотографии // INTER. 2007. № 4. С. 13–32.
2. Cheatwood D., Stasz C. Visual Sociology // Images of information. Still Photography in the Social Sciences / red. Jon Wagner. Beverly Hills: Sage. 1979. P. 301–308.
3. Конт О. Дух позитивной философии. М.: Либроком, 2011. 82 с.
4. Becker H.S. Backup of Visual Sociology, Documentary Photography and Photojournalism: It's (Almost) All a Matter of Context. URL: <http://www.habermas.org/beckerbk02.htm> (дата обращения: 26.10.2011).
5. Гофман. А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995. 204 с.
6. Bourdieu P. Photography. A Middle-brow Art. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 1–10.
7. Pink S. Interdisciplinary agendas in visual research: re-situating visual anthropology // Visual Studies. 2003. Vol. 18. № 2. P. 179–192. URL: <http://www.viscult.by.com/uploads/SARHPINK.pdf> (дата обращения: 26.10.2011).

8. Ball Michael S., Smith Gregory W.H. Analyzing visual data. London: Sage. 1992. 77 p.
9. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 764 с.
10. Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
11. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалёва. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
12. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем.; под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999. 272 с.
13. Picture Correct: Photography Tips & Techniques // "Portrait Photography"// Environmental Portraiture. URL: <http://www.picturecorrect.com> (дата обращения: 26.10.2011).

*N.M. Bogdanova**

THE ANALYSIS OF THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF VISUAL RESEARCH IN HISTORY OF SOCIOLOGY

The article is devoted to the analysis of the social and philosophical foundations of visual approach in the history of sociology. The basic principals of antipositivism are viewed in conformity with the problems of visual research. The advantages of phenomenological sociology and E. Goffman's "dramatic sociology" are noted as possible theoretical basis of sociological analysis of photography.

Key words: visual approach in sociology, photography, antipositivism, phenomenological sociology, «dramatic sociology».

* *Bogdanova Natalia Mihailovna* (bo-na-mi@yandex.ru), the Dept. of Methodology of Sociological and Marketing Researches, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.